

rocket**book**

# Конкордия АНТАРОВА

**Две жизни**  
Мистический роман  
Часть 1



Москва  
2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

## ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	
У моего брата. . . . .	8
Глава 2	
У али . . . . .	27
Глава 3	
Лорд Бенедикт и поездка на дачу Али. . . . .	53
Глава 4	
Моё превращение в дервиша. . . . .	75
Глава 5	
Я в роли слуги-переводчика . . . . .	90
Глава 6	
Мы не доезжаем до К. . . . .	104



Глава 7	
Новые друзья . . . . .	126
Глава 8	
Ещё одно горькое разочарование и отъезд из Москвы. . . . .	160
Глава 9	
Мы едем в Севастополь . . . . .	168
Глава 10	
В Севастополе . . . . .	193
Глава 11	
На пароходе. . . . .	209
Глава 12	
Буря на море . . . . .	227
Глава 13	
Незнакомка из каюты 1а . . . . .	246
Глава 14	
Стоянка в Б. и неожиданные впечатления . . . . .	269
Глава 15	
Мы плывём в Константинополь . . . . .	296
Глава 16	
В Константинополе. . . . .	328
Глава 17	
Начало новой жизни Жанны и князя . . . . .	348



Глава 18	
Обед у Строгановых . . . . .	385
Глава 19	
Мы в доме князя . . . . .	414
Глава 20	
Приезд Ананды и ещё раз музыка. . . . .	438
Глава 21	
Моя болезнь, Генри и испытание моей верности. . . . .	466
Глава 22	
Неожиданный приезд сэра Уоми и первая встреча его с Анной. . . . .	490
Глава 23	
Вечер у Строгановых и разоблачение Браццано. . . . .	538
Глава 24	
Наши последние дни в Константинополе . . . . .	564
Глава 25	
Обед на пароходе. Опять Браццано и Ибрагим. Отъезд капитана. . . . .	600
Глава 26	
Последние дни в Константинополе . . . . .	642

## Глава 1

# У МОЕГО БРАТА

События, о которых я сейчас вспоминаю, относятся к давно минувшим дням, к моей далёкой юности.

Уже больше двух десятков лет зовут меня «дедушкой», но я совсем не ощущаю себя старым; мой внешний облик, заставляющий уступать мне место или поднимать оброненную мною вещь, так не гармонирует с моей внутренней бодростью, что заставляет меня конфузиться всякий раз, когда люди выказывают такое почтение моей седой бороде.

Мне было лет двадцать, когда я приехал в среднеазиатский большой торговый город погостить к брату, капитану N-ского полка. Жара, ясное синее небо, дотоле невиданное; широкие улицы с аллеями из высочайших развесистых и тенистых деревьев посередине поразили меня своей тишиной. Изредка не спеша проедет на осле купец на базар; пройдёт группа женщин, укутанных в чёрные паранджи и белые или тёмные покрывала, подобно плащу скрадывающие формы тела.



Улица, на которой жил брат, была не из главных, от базара находилась далеко, и тишина на ней стояла почти абсолютная. Брат снимал небольшой дом с садом; жил в нём один со своим денщиком и пользовался лишь двумя комнатами, а три остальные поступили всецело в моё распоряжение. Окна одной из комнат брата выходили на улицу; туда же смотрели два окна той комнаты, что я любобвал себе как спальню и которая носила громкое название «зала».

Брат мой был человеком очень образованным. Стены комнат сверху донизу были заставлены полками и шкафами с книгами. Библиотека была прекрасно подобрана, расставлена в полном порядке и, судя по каталогу, составленному братом, обещала много радостей в новой для меня, уединённой жизни.

Первые дни брат водил меня по городу, базару, мечетям; временами я бродил один в огромных торговых галереях с расписными столбами и маленькими восточными ресторанами-кухнями на перекрёстках. В снующей, говорливой толпе, пёстро одетой в разноцветные халаты, я ощущал себя словно оказавшимся в Багдаде, и всё представлял себе, что где-то совсем рядом проходит Аладдин со своей волшебной лампой или бродит никем не узнаваемый Гарун-аль-Рашид. И восточные люди, с их величавым спокойствием, или же, наоборот, повышенной эмоциональностью, казались мне загадочными и притягательными.

Однажды, бродя рассеянно от магазина к магазину, я вдруг вздрогнул как от удара электрического тока и невольно оглянулся. На меня пристально смотрели совершенно чёрные глаза очень высокого, средних лет человека с густой короткой чёрной бородой. А рядом с ним стоял юноша необычайной красоты, и взгляд его синих, почти фиолетовых глаз также был устремлён на меня. Высокий брюнет



и юноша оба были в белых чалмах и пёстрых шёлковых халатах. Их осанка и манеры существенно отличались от всех окружающих; многие из прохожих подобострастно им кланялись.

Оба они уже давно двинулись к выходу, а я всё стоял как заворожённый, не в силах победить впечатление от этих чудесных глаз. Опомнившись, я бросился за ними, но подбежал к выходу из галереи в тот самый момент, когда столь поразившие меня незнакомцы уже были в пролётке и отъезжали от базара. Юноша сидел с моей стороны. Оглянувшись, он чуть улыбнулся и сказал что-то старшему. Но густая пыль, которую поднимали три осла, закрыла всё, я больше ничего не мог видеть, да и стоять под отвесными лучами палящего солнца был больше не в силах.

«Кто бы это мог быть?» — думал я, возвращаясь туда, где их встретил. Я несколько раз прошёл мимо лавки и наконец решился спросить хозяина:

— Скажите, пожалуйста, кто эти люди, которые только что были у вас?

— Люди? Люди много ходила сегодня мой лавка, — хитро улыбаясь, сказал он. — Только твой, верно, не люди хочешь знать, а один высокий чёрный люди?

— Да, да, — поспешил я согласиться. — Я видел высокого брюнета и с ним красавца юношу. Кто они такие?

— Они наша большой, богатый помещики. Виноградники, — оуай, — виноградник! Ба-а-льшой торговля ведёт с Англия.

— Но как же его зовут? — продолжал я.

— Ой-я, — засмеялся хозяин. — Вся горишь, знакомиться хочешь? Он — Мохаммед Али. А молодой — Махмуд Али.

— Вот как, оба Магометы?

— Нет, нет, Мохаммед только дядя, а племянник — Махмуд.





— Они здесь живут? — продолжал я спрашивать, рассматривая шелка на полках и соображая, что бы такое купить, чтобы выиграть время и узнать ещё что-нибудь о заинтересовавших меня незнакомцах.

— Что смотришь? Халат хочешь? — подметив мой парящий взгляд, спросил хозяин.

— Да, да, — обрадовался я предложению. — Покажите мне, пожалуйста, халат. Я хочу сделать подарок брату.

— А кто твой брат? Какой ему нравится?

Я понятия не имел, какие халаты могут нравиться брату, так как ни в чем другом, как в кителе или пижаме, пока ещё не видел его.

— Мой брат — капитан Т., — сказал я.

— Капитан Т.? — воскликнул с восточным темпераментом купец. — Я его хорошо знаю. Ему уже есть семь халатов. На что ему ещё?

Я был смущён, но, скрыв своё замешательство, храбро сказал:

— Да он их все раздарил, кажется.

— Вот как! Наверно, друзьям в Петербург посылал. Ха-а-ро-ший халаты покупал! Вот, смотри, Мохаммед Али для своя племянница велел прислать. Ой-я, халат!

И купец достал из-под прилавка чудесный халат розового тона с серовато-лиловыми матовыми разводами.

— Такой мне не подойдёт, — сказал я.

Купец весело рассмеялся.

— Конечно, не подойдёт; это женская халат. Я тебе дам вот, — синий.

И с этими словами он развернул на прилавке великолепный фиолетовый халат. Халат был несколько пестроват; но тон его, тёплый и мягкий, мог понравиться брату.

— Не бойся, бери. Я всех знаю. Твой брат — приятель Али Мохаммед. Мы не можем продавать его приятелю пло-



хо. Твой брат — ха-а-роший человек! Сам Али Мохаммед его почитает.

— Да кто же он, этот Али?

— Я же сказал, — большая важная купец. Персия торгует и Россия тоже, — ответил хозяин.

— Не похоже, чтобы он был купец. Он, наверное, учёный, — возразил я.

— Ой-я, учёный! Учёный он есть такой, что и у твоя брат все книги знает. Твоя брат тоже ба-а-льшой учёный.

— А где живёт Али, вы не знаете?

Купец панибратски хлопнул меня по плечу и сказал:

— Ты, видать, здесь мало живёшь. Али дом — напротив твой брат дом.

— Напротив дома брата очень большой сад, обнесённый высокой кирпичной стеной. Там всегда мёртвая тишина, и даже ворота никогда не открываются, — сказал я.

— Тишина-то тишина. А вот сегодня будет не тишина. Приедет сестра Али Махмуд. Будет сговор, пойдёт замуж. Если ты сказал, что Али Махмуд красавец, то сестра — ой-я! — звезда с неба! Косы до пола, а глаза — ух!

Купец развёл руками и даже захлебнулся.

— Как же вы могли видеть её? Ведь по вашему закону паранджу нельзя снимать перед мужчинами?

— Улица нельзя. У нас и в дом нельзя. А у Али Мохаммед все женщины дома ходит открыта. Мулла много раз говорил, да перестал. Али сказал: «Уеду». Ну, мулла и молчит пока.

Я простился с купцом, взял покупку и пошёл домой. Шёл я долго; где-то свернул не в ту сторону и с большим трудом отыскал наконец свою улицу. Мысли о богатом купце и его племяннике путались с мыслями о небесной красоте девушки, и я не мог решить, какие же у неё глаза: чёрные, как у дяди, или фиолетовые, как у брата?



Я шёл, глядя под ноги, и внезапно услышал: «Лёвушка, да где же ты пропадал? Я уже собирался было тебя искать».

Милый голос брата, заменявшего мне всю жизнь и мать, и отца, и семью, был полон юмора, как и его сверкающие глаза. На слегка загорелом, гладко выбритом лице блестели белые зубы; у него были яркие, красиво очерченные губы, золотые вьющиеся волосы, тёмные брови... Я впервые осознал, как красив он, мой брат. Я гордился и восхищался им всегда; а сейчас, точно маленький, ни с того ни с сего бросился ему на шею, расцеловал в обе щеки и сунул ему в руки халат.

— Это тебе халат. А твой Али стал причиной того, что я совсем оторопел и заблудился, — сказал я со смехом.

— Какой халат? Какой Али? — с удивлением спросил брат.

— Халат № 8, который я тебе купил в подарок. А Али № 1, твой друг, — ответил я, все продолжая смеяться.

— Ты напоминаешь маленького упрямца Лёвушку, который любил всех озадачивать. Вижу, что любовь к загадкам всё ещё жива в тебе, — улыбаясь своей открытой улыбкой, необычайно изменявшей его лицо, сказал брат. — Ну, пойдем домой, не век же нам стоять тут. Хотя никого и нет, но я не поручусь, что где-нибудь тайком, из-за края занавески, на нас не смотрит любопытный глаз.

Мы двинулись было домой. Но внезапно чуткое ухо брата различило вдали цоканье конских копыт.

— Подожди, — сказал он, — едут.

Я ничего не слышал. Брат взял меня за руку и заставил остановиться под огромным деревом, как раз напротив закрытых ворот того тихого дома, в котором, по словам купца из торговых рядов, жил Али Мохаммед.

— Возможно, что сейчас ты увидишь нечто поразительное, — сказал мне брат. — Только стой так, чтобы нас не было видно ни из дома, ни со стороны дороги.



Мы стояли за огромным деревом, где могли бы укрыться ещё два-три человека. Теперь уже и я различал топот нескольких лошадей и шум колёс на мягкой немощёной дороге.

Через несколько минут распахнулись настежь ворота дома Али, и дворник вышел на дорогу. Оглядевшись, он махнул кому-то в сад и остановился в ожидании.

Первой ехала простая телега. В ней сидели две закутанные в покрывала женские фигуры и трое детей. Все они утопали в массе узлов и картонок, а сзади был привязан небольшой сундук.

Вслед за ними, в какой-то старой бричке, ехал старик с двумя элегантными чемоданами.

И наконец на довольно большом расстоянии, очевидно оберегаясь от дорожной пыли, двигался экипаж, который пока нельзя было рассмотреть. Между тем телега и бричка въехали в ворота и исчезли в саду.

— Смотри внимательно, но молчи и не двигайся, чтобы нас не заметили, — шепнул мне брат.

Экипаж приближался. Это была изящная пролётка, запряжённая прекрасным вороным конём, и в ней сидели две женщины с закрытыми чёрной паранджой лицами.

Из ворот дома вышел Али Мохаммед, в белом, и за ним следом, в такой же длинной белой одежде, Али Махмуд. Глаза Али-старшего, почудилось мне, будто пронзили насквозь дерево, за которым мы спрятались, и мне даже показалось, что по губам его скользнула едва уловимая усмешка. Меня даже в жар бросило; я прикоснулся к брату, желая сказать: «Нас обнаружили», но он приложил палец к губам и продолжал пристально смотреть на приблизившийся и остановившийся экипаж.

Ещё через мгновение Али-старший подошёл к экипажу... маленькая белая очаровательная женская ручка подняла по-



крывало с лица. Я видел женщин, признанных красавиц, на сцене и в жизни, но сейчас впервые понял, что такое женская красота.

Другая фигура что-то визгливо выговаривала Али старческим голосом, а девушка смущённо улыбалась и уже готова была вновь опустить на лицо покрывало. Но Али сам небрежно сбросил его ей на плечи, и, к великому негодованию старухи, на свет показались тёмные кольца непослушных волос. Не обращая внимания на визгливые выговоры, Али поднял бросившуюся к нему на шею девушку и, как ребёнка, понёс её в дом.

Между тем Али-молодой почтительно высаживал всё ещё ворчавшую старуху.

Серебристый смех девушки доносился из открытых ворот.

Уже и старуха с молодым Али скрылись, и пролётка въехала в ворота, и ворота закрылись... А мы всё ещё стояли, забыв место и время, забыв, что хотелось есть, жару и все приличия.

Обернувшись к брату, чтобы поделиться с ним своим восторгом, я был просто потрясён. Всегда улыбающееся лицо его было совсем бледно, серьёзно и даже сурово. Его синие глаза как-то потемнели. Это было лицо совершенно незнакомого мне человека. Даже брови изменили свою обычную форму и были строго сдвинуты в почти сплошную прямую линию.

Я не мог опомниться; всё смотрел на этого чужого, незнакомого мне человека.

— Ну что же, понравилась ли вам моя племянница Наль? — вдруг услышал я над собой незнакомый металлический голос.

Я вздрогнул, — от неожиданности не понял даже вопроса, — и увидел перед собою высоченную фигуру Али-стар-



шего, который, смеясь, протягивал мне руку. Машинально я взял эту руку и почувствовал какое-то облегчение; даже из груди у меня вырвался вздох, и по руке побежала тёплая струя энергии.

Я молчал. Мне казалось, что ещё никогда не держал я в своей руке такой ладони. С усилием оторвались мои глаза от прожигающих глаз Али Мохаммеда, и я посмотрел на его руки.

Они были белы и нежны, точно к ним не мог пристать загар. Длинные, тонкие пальцы кончались овальными, выпуклыми, розовыми ногтями. Вся рука, узкая и тонкая, артистически прекрасная, всё же говорила об огромной физической силе. Казалось, глаза, мечущие искры железной воли, находились в полной гармонии с этими руками. Можно было легко представить, что в любую минуту, стоит Али Мохаммеду сбросить мягкую белую одежду, взять меч в руку, — и увидишь воина, разящего насмерть.

Я забыл, где мы, зачем мы стоим посреди улицы, и не могу сейчас сказать, как долго держал Али мою руку. Я точно стоя заснул.

— Ну, пойдём же домой, Лёвушка. Отчего ты не благодаришь Али Мохаммеда за приглашение? — услышал я голос брата.

Я опять не понял, о каком приглашении говорит мне брат, и пролепетал какое-то невнятное прощальное приветствие улыбающемуся мне высокому и стройному Али.

Брат взял меня под руку, я невольно двинулся в ногу с ним. Робко взглянув на него, я снова увидел родное, близкое, с детства знакомое лицо любимого брата Николая, а не того чужого человека под деревом, вид которого так меня поразил и глубоко расстроил.

Сложившаяся с детства привычка видеть опору, помощь и покровительство в брате, привычка, создававшаяся в те дни,



когда я рос только в его обществе, обращаться со всеми жалобами, огорчениями и недоразумениями к брату-отцу, как-то вдруг выскочила из глубины моего сердца, и я сказал жалобным тоном:

— Как мне хочется спать; я так устал, точно прошёл вёрст двадцать!

— Очень хорошо, сейчас пообедаем, и можешь лечь часа на два. А потом пойдём в гости к Али Мохаммеду. Он здесь почти единственный ведёт европейский образ жизни. Дом его прекрасно и с большим вкусом обставлен. Очень элегантная смесь Азии и Европы. Женщины его семьи образованны и ходят дома без паранджи, а это целая революция для здешних мест. Много раз ему угрожали всяческими гонениями муллы и другие высокопоставленные религиозные фанатики за нарушение местных обычаев. Но он всё так же ведёт свою линию. Все до последнего слуги в его доме грамотны. Слугам предоставляются часы полного отдыха и свободы среди дня. Это здесь тоже революция. И я слышал, что против него теперь собираются устроить религиозный поход. А в здешних диких краях это вещь страшная.

Разговаривая, мы пришли к себе, умылись в ванной комнате, устроенной прямо в саду из циновки и брезента, и уселись у давно накрытого стола обедать.

Хороший освежающий душ и вкусный обед вернули мне бодрость.

Брат весело смеялся, журил меня за рассеянность и рассказывал всевозможные комические сценки, которые ему приходилось наблюдать в здешнем быту; восхищался сметливостью русского солдата и его остроумием. Редко когда восточная хитрость торжествовала над русской проницательностью, обманувший русского солдата восточный торговец зачастую расплачивался за свою нечестность. Солдаты придумывали такие трюки, чтобы наказать обманщика,